

В. Г. Белинский

Елена, поэма г. Бернета

Виссарион Григорьевич Белинский

Елена, поэма г. Бернета

«...отчего великие художники иногда оставляли недоконченными свои создания, иногда прерывали свою работу и с томительным страданием искали в себе силы докончить ее и, не находя этой силы, иногда уничтожили с отчаяния свое прекрасно начатое творение? – оттого, что вдохновение, как всякая благодать, не в воле человека, и еще оттого, что великие художники никогда не доделывают своих произведений, если не могут их досоздать. Но как бы то ни было, а г. Бернет владеет истинным поэтическим дарованием, и по этому самому нам неприятно говорить о его «Елене»...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Елена, поэма г. Бернета**

*79. Елена, поэма г. Бернета. 1838.
Санкт-Петербург. В типографии Алек-
сандра Смирдина. 120. (8).{1}*

Г-н Бернет уже успел приобрести себе некоторую известность писателя с дарованием, и не понапрасну: он точно владеет поэтическим талантом. Читали ли вы его стихотворение «Призрак»[1]? – Мы почитаем кстати привести его здесь – вот оно:

*Если в храм родительской деревни
Вступишь ты, в любимый сердцу
час —
В грустный час, когда поют вечерни,
Сумрачен златой иконостас,
Тихо так, что слышен шелест
платья,
В алтаре мерцают три свечи,
Озаряют наверху распятие
Солнышка прощальные лучи,
Пуст дом божий, клиросы унылы,
С книгою раскрытою налой,
Без огней висят паникадилы,
Ладан вьется синею струей, —
Если в это время над землею
Вознесясь, почувствуешь ты
въявь,
Что нежданый кто-то есть с
тобою:*

Не гони, оставь его, оставь!

*Ежели ночей и дум царица
По полю лазурному идет,
Озеро в берегах не шевелится,
В доску сторож час полночный
бьет,
Целый дом объемлет усыпленье,
—*

*Ты не спишь, хотя на тихий сон
Мать дала давно благословенье,
Зал обширный тускло освещен,
На стенах угрюмые картины,
Не звучит ни арфа, ни рояль,
Бледный месяц бродит по гости-
ной,
Всюду мрак, священная печаль, —
Ежели ничто не возмущает
Тишину, а ты услышишь въявь,
Кто-то шепчет, стонет и лета-
ет:*

Не гони, оставь его, оставь!

*Наконец, когда ты к изголовью
Приклонясь невинной головой,
Взор сомкнешь с молитвою, лю-
бовью,
И господь пошлет тебе покой,*

*Херувимы станут вокруг постели,
Ангел крылья завесой прострет,
Чтобы грезы подходить не смели,
Не коснулся б сновидений лет.*

Что это такое? – поэзия, благоухающая ароматным цветом прекрасной внутренней жизни, поэтическое выражение одного из ее явлений, выражение, где каждый стих есть живой поэтический образ и где каждый стих и каждое слово стоят на своем месте, по закону творческой необходимости, и не могут быть ни переставлены ни переменены!.. А вот что такое это:

*Гиацинты уменьшат куренье,
Розы в чашках аромат сожмут,
Прекратят ручьи свое течение,
Реки станут, ветерки умрут, —
И тогда как мир весь почитает
Девы сон, почувствуешь ты въявь:
Кто-то плачет, жжет и лобызает;
Не гони, оставь его, оставь!*

Что такое это? – восточная гипербола, которой ярко-пестрые краски резко отделяются от таинственно-сумрачного колорита первых

двадцати четырех стихов, фраза, растянутая на восемь стихов, глиняная рука, приделанная к мраморной статуе!.. Отчего же это вышло так странно? оттого, что у поэта немного недостало вдохновения, за недостатком которого он и прибег к хитросплетениям рассудка, вследствие чего благоухающее, бесконечное чувство, оживлявшее его стихотворение, разрешилось очень определенным и конечным чувствованьем. И это очень естественно: отчего великие художники иногда оставляли недоконченными свои создания, иногда прерывали свою работу и с томительным страданием искали в себе силы докончить ее и, не находя этой силы, иногда уничтожали с отчаяния свое прекрасно начатое творение? – оттого, что вдохновение, как всякая благодать, не в воле человека, и еще оттого, что великие художники никогда не *доделявают* своих произведений, если не могут их *досоздать*. Но как бы то ни было, а г. Бернет владеет истинным поэтическим дарованием, и по этому самому нам неприятно говорить о его «Елене», и мы в самом деле не будем говорить о ней, а только скажем кой-что, сколько

в избежание упрека в безотчетных приговорах, столько и по уважению к г. Бернету, которого мы отнюдь не смешиваем с толпою маленьких гениев-самозванцев, великолепно издающих свои творения, никем не читаемые, никому не интересные, и которых приятели-журналисты, как бы насмехаясь над публикою и здравым смыслом, объявляют наследниками Пушкина. Мы уверены, что г. Бернет, как поэт с истинным дарованием, если и не согласится с нашим мнением, то и не почтет его не стоящим своего внимания: он не может не заметить искренности нашего суждения.

Поэма г. Бернета ниже всякой критики, хотя в ней местами и блещут искорки дарования. Главный ее недостаток состоит в растянутости, многословности и невыдержанности: она могла б быть втрое меньше; каждая мысль в ней, раздробляясь на множество стихов, ослабевает и переходит в повторение одного и того же; часто за тремя хорошими стихами следует дурной стих, и еще чаще один хороший стих подавляется и тускнеет между тремя дурными. Но особенно вредит этой поэ-

ме претензия автора на оригинальность и нововведения в словах и рифмах.

Содержание поэмы было бы очень просто, если бы местами не искажалось изысканными подробностями. Оно относится ко временам феодализма. Девушка, обреченная матерью на монастырскую жизнь, любит рыцаря и, украдкой от настоятельницы, видится с ним. Игуменья, чтобы заставить ее признаться в преступлении монастырского устава, показывает ей череп ее матери, и череп говорит Елене, от лица ее матери, что она возмутила его покой во гробе и своим преступлением губит и его и свое блаженство в будущей жизни. Несмотря на изысканность этой выходки, Елена поверила черепу и решилась принести свою любовь в жертву долгу: она уже не являлась на тайные свидания. Вдруг до ее слуха доходит весть о буйном разврате и неистовом ожесточении ее любезного рыцаря. Он приходит видеть ее в последний раз:

*Затворница, открой свое окно,
На краткое последнее свиданье!..*

.....

Оно раскрылось: при луне

Елена бледная в окне...
Когда сломив цепей кольцо, {2}
Окончив дальний путь разлуки,
Мы видим милое лицо,
Внимаем радостные звуки, —
Когда восторги грудь стесняют,
Уста в тот миг не говорят...
Напрасно сердце ищет речи:
Огонь очей, мгновенный крик —
Вот все приветы сладкой встре-
чи,
Вот счастья огненный язык!

Так было с ним. Весь исступленьем,
Он руки поднял к высоте,
К печальной, дивной красоте,
К своей возлюбленной Елене!..
Он к ней хотел наверх лететь,
Сожечь горящими устами,
Схватить в объятия, умереть...
Но руки не были крылами!
Потом очнулся бурный (?) ум,
Созрел перун во мраке дум —
И речи брызнули огнями:

«О, ты опять передо мной,
Моя сестра, моя царица!
Ты заблестала вновь, денница!

Ты рассветал, день голубой!
Ты разлилася, нега лета!
Ты веешь, вешний ветерок!
Цветнеешь (?), радуга завета!
Кипишь, живительный поток!..
И вся тепла ты, как моленье,
Тверда, как серафимов мочь,
Возвышенна, как вдохновенье,
Повита в таинства, как ночь!

Так это ты! твой стан прекрас-
ный,
Твое высокое чело!
О, не напрасно, не напрасно
Меня намеренье вело!
Я знал: ты оживишь мне душу,
Я жизнь опять тобой спасу;
Ты мне на сердце, как на сушу, (!?)
Прольешь небесную росу!
Я долго по странам скитался,
Водил безумные толпы:
Один лишь пепел оставался,

Где провлеклись мои стопы.
Свиреп, отвергнут, раздражен-
ный,
Деяний жаждою томим,
Носил огонь, меч обнаженный —

И жил отчаяньем одним;
Предательство повсюду видел,
Без чувства кровь людскую лил —
И всё губил, всё ненавидел:

За то, что я тебя любил!
За то, одно, за то, Елена,
Давно мне опостылел свет,
Давно мне общества – геенна,
Давно отечества мне нет!
Давно луг жизненный бесцветен,
Сомненья избраздили лоб,
Давно свод неба безответен,
Давно ношу я в сердце гроб!..
Мы встретились – и ты умела
Зажечь звезду в повсюдной тьме,
Любить, надеяться велела —
И веровать велела мне.
И верил я до той минуты,
До страшного разлуки дня,
Когда мой рок, гонитель лютый,
С тобой всё вырвал у меня...

Дочь кротости, молитвы, света!
Не спрашивай о тех путях,
По коим бурная комета
Текла, в погибельных лучах!
Смиранный ангел сожаленья,

*Дней прошлых не желай узнать,
Не приходи на разрушенье,
Святые слезы проливать!..*

*Я каменел: мольбы и стоны
Невнятны демону-уму, {3}
Когда, отвергнув все законы,
Он ринется в хаос и тьму;
Когда железные (?) понятия
Своих страстей, своих забав,
Дает он угнетенным братьям
В неизменяемый устав.
Беды их мог ли понимать я,
Лишенный счастья и любви?
Гром славы заглушал проклятья,
И возрастал мой лавр в крови!*

*Но пред безмерною долиной,
Идущей прямо в темный ад,
Остановясь на миг единый,
Задумал я идти назад;
Я вспомнил: где-то было место
Блаженства, тишины, добра —
И вновь пришел к тебе, невеста!
Подруга милая, сестра!*

*Я не могу скитаться одиноким,
В страданьях жить надеждою од-*

ной,
Дух обольщать наград венцом да-
леким
Я не могу... Увы! Я весь земной.
Мне грудь нужна, мне надобны
объятья,
Мне надо сердца верного ответ,
Чтоб темные расчеты, предприя-
тья (?),
Грел, освещал души невинной
свет.
Предчувствую: мой ум и нрав ки-
пучий (?),
Страстей моих и пламень и по-
ток —
Губительны, как градовые (!?) ту-
чи!
Я без любви ужасен и жесток!..
Прекрасная, когда мое спасенье,
Загробных дней далекая судьба,
Тебе хоть мысль, хоть каплю опа-
сенья
Вливают в грудь — не будь людей
раба!
Беги со мной! Покинь немые сте-
ны,
Отринь навек торжественный
обряд:

*Нас бог простит, любовью уми-
ленный*

*Нас ангелы с небес благословят!
Беги со мной! Я тихий кров имею
И поселян отцов моих... О, будь
Им матерью – царицей будь мо-
ею!*

*Дай мир забыть и в счастье уто-
нуть!*

*В семействе их – примером, уве-
щаньем*

*Я выкуплю прошедшие вражды,
Я заплачу страданью – сострада-
нием;*

*Я кровь отдам – за траты и беды.
Беги со мной, беги со мной, черни-
ца!*

Звезда любви к спасенью потечет,

—

*И твой восход, желанная денница,
Меня с тобой до неба увлечет!..*

*Но посмотри: лазурные селенья
Покрылися румянцами зари —
Я весь дрожу, горю от нетерпе-
нья;*

О, говори, ответствуй, говори!..

Сколько любви, сколько, огня, страсти,
чувства, какое драматическое движение и ка-

кая, вместе с тем, смесь чистого золота с грубой рудой! Но для яснейшего доказательства нашей мысли продолжим выписку.

*В наряде пышном и зеленом,
Под темным, светлым небоскло-
ном
Ветрам противится сирень —
И каждый листик в летний день
Роняет с ропотом и стоном;
Когда же вьюга набежит
И хлад до корня обнажит
Весны любимое растенье:
Утратив жизнь, оледенев,
Безгласно тяжкий божий гнев
Несет оно, символ терпенья.*

*Подобно деревцу зимой,
В печали хладной и немой,
Душа убитая не ропщет!
Пускай беда ведет беду,
Пускай ее презренье топчет,
Молчание зовет вражду,
И червь страстей догробных то-
чит:
Есть чувство в ней, но жалоб
нет!..*

Был тих затворницы ответ:

«Господь и мать моя не хочет,
Я умираю и нейду!..»
Но искра с божьего кадила,
Дым благовоний воскурив,
Зачем себя не угасила
И пала в порох? – Страшен взрыв!..

Нейдешь, нейдешь?.. Внемли же
мне, природа!
Я разрываю с обществом союз!
Встань, моя ужасная свобода!
Проснись, мой дух! Нет больше в
мире уз!
Безумной злобою, народы, закипи-
те;
Мне все равны, все чужды, далеки;
С огнем, с мечом, с отравой беги-
те!
Я поведу свирепые полки,
Я лютость дам невиданную –
строю!
Давно велик я общим грабежом,
Что здесь зовут неправедной вой-
ною:
Но я грабеж стократ теперь
удвою,
Я жен убью, детей осирочу (?),
Пройду косой, заразой пролечу;

*Улыбкою слезу не удостою;
В ответ на плач, как зверь, захо-
хочу...*

О, какая драма, какая глубокая и сильная жизнь в этой драме, и опять-таки какое, вместе с тем, бессилие и вялость! Напечатанные курсивом стихи составляют такую резкую противоположность с остальными, которые все хороши и из которых некоторые превосходны, что можно подумать, что г. Бернет писал эту поэму вдвоем, в товариществе с каким-нибудь бездарным стихотворцем: на свою долю взял создание всех хороших и превосходных стихов, а на его предоставил рифмованную прозу и изысканные до дикости выражения, как будто почитая необходимою такую чудную смесь шипучего вина с пресною водою. Ясно, что г. Бернет только еще выступает на поэтическое поприще, что он еще не может владеть ни своим талантом, ни своею субъективностью, что стих часто не слушается его и выражает совсем не то, что хотел он им выразить; словом, ясно, что г. Бернет еще дитя в искусстве, но дитя, которое обещает некогда крепкого взрослого челове-

ка. Но обратимся к поэме.

Выписанная нами выходка возмущенного духа, взволнованной страсти и глубоко оскорбленной любви могучего человека не вся: она продолжается бурным потоком, который у г. Бернета ревет оглушающим ревом и только в немногих стихах и выражениях пищит; но мы не выписываем ее, потому что и сделанной выписки слишком достаточно для оправдания нашего суждения о поэме. Приведенная в ужас и живо затронутая и оскорбленная сомнением ее возлюбленного в ее глубоком, святом чувстве и в то же время окованная сознанием страшного долга, Елена отвечает в порыве ужасного отчаяния:

*Возьми ж меня!
Раздался крик,
И что-то с башни в этот миг,
Одеждой свиснув, как крылами,
Мелькнуло пред его глазами —
И, как подстреленный орел,
Упало на гранитный пол...
Тяжелый стук!.. Но после стука,
Ни вздоха, ни мольбы, ни звука!..*

Превосходно!.. но следующие стихи долж-

но пропустить, чтоб не ослабить и не разрушить глубокого впечатления, которое производят эти...

Проклятия автора, которые градом сыплются на голову бедного рыцаря, нам крайне не нравятся. В царстве искусства, как в созерцании абсолютной жизни, нравственная точка зрения есть самая фальшивая, потому что в этом благодатном и бесконечном царстве есть явления общей жизни, но нет ни героев добродетели, ни злодеев. То и другое существует в субъективности авторов. Объективность есть условие поэзии, без которого она не существует и без которого все ее произведения, как бы ни были они прекрасны, носят в себе зародыш смерти. И что сделал злодейского бедный рыцарь? Он требовал своего, требовал любви, которая бы соответствовала его любви, словом, он был самим собою, и в этом вся вина его. Елена, с своей стороны, так же права, как и он: она была самой собою, в моментальном состоянии своего духа. Да, они оба правы – и мир обоим им!.. Другое дело, если бы все эти проклятия автор вложил в уста несчастного героя своей поэмы: тогда это име-

ло бы значение, как новый характер, который приняло его отчаяние, новый ужасный момент его духа, непосредственно вытекший из предшествовавших моментов и хода обстоятельств. И тогда как бы хорошо поступил автор, если бы, выбросив 42 прозаических стиха, заставил рыцаря проговорить эти восемь – поэтические:

*Ты, мрачный дух, звезду затмил
Высокую между звездами,
Сожег цвет лучший меж цветами.*

*Ты херувима умертвил!..
О, никогда еще душа
Так бескорыстно не любила!
За что ж, безумием дыша,
Земная страсть ее убила!*

Закключаем: г. Бернет подает надежды, и надежды прекрасные; но это еще не талант, а только обещание таланта, не поэзия, а только предчувствие поэзии. Целая поэма, повторяем, ниже всякой критики, и выписанные нами места – самые лучшие в ней. Начало ее не возбуждает охоты к дочтению до конца, хотя сквозь мрак фраз, вычурностей и прозаизма и

чудится какой-то таинственный свет красоты эстетической.

Высказывая со всею искренностью наше мнение г. Бернету о его таланте, мы не боялись резкости наших выражений, потому что самая эта резкость есть лучшее доказательство нашего уважения к дарованию г. Бернета. К тому же мы боимся за судьбу его поэтического поприща: его захвалят, {4} а этот способ убивать дарование есть самый верный. В Петербурге так много журналов и альманыхов, которые, и для балласту и для блеска, очень нуждаются в деятельности поэтов, рвут и треплют ее по клочкам и щедро платят за нее похвалами и восклицаниями...

Сноски

1

Помещенное в «Литературных прибавлениях к Инвалиду», нередко, заметим кстати, очень счастливых на хорошие стихотворения: так, в 18 № этой газеты мы прочли прекрасное стихотворение «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Не знаем имени автора этой песни, которую можно назвать поэмою, в роде поэм Кириши Данилова, но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование.{5}

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

«Моск. наблюдатель» 1838, ч. XVI, апрель, кн. 2 (ценз. разр. 22/VI), стр. 621–632. Без подписи.

[^^^]

2

Курсив здесь и далее Белинского.

[^^^]

3

В цитируемом тексте: «деспоту – уму».

[^^^]

4

Отрывки из «Елены» и восхваления ей печатал Сенковский (см. «Библиография для чтения» 1828, т. XXVII. Литер. летопись, стр. 1–2).

[^^^]

5

Это первая оценка Белинским поэзии Лермонтова, гениальное прозрение его будущей роли в русской литературе.

[^^^]

[^^^]